

ОКТАБРЬ 1917-го И ОФИЦИАЛЬНАЯ СЕРБИЯ

Тимофеев Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград), доцент кафедры новейшей истории философского факультета Белградского университета (Белград, Республика Сербия).

Россия была важнейшим союзником Сербии в годы Первой мировой войны, от первых жарких дней лета 1914-го до мятежного 1917 г.¹ Поэтому сербское правительство с живейшим интересом следило за событиями Русской революции с февраля 1917 г. В эволюции российской власти в июле — августе 1917 г. сербские дипломаты и официальные газеты, несомненно, были на стороне Л.Г. Корнилова, так как связывали с ним рост дисциплины и ратных усилий России на фронте. После падения Риги 21 августа (3 сентября) и общего ухудшения военной ситуации стала очевидна необходимость быстрых и решительных мер для поднятия воинской дисциплины. Продвижение лояльных Корнилову войск на Петроград было начато 25 августа (7 сентября), но уже 29 августа (11 сентября) остановлено в результате совместных действий правительства А.Ф. Керенского и Петроградского совета, но прежде всего активной деятельности большевистских агитаторов. Подчинившись приказу Керенского от 28 августа (10 сентября), Корнилов оставил должность Верховного главнокомандующего русской армией, на которую Керенский назначил самого себя. Генерал М.В. Алексеев согласился занять место начальника штаба у Керенского, арестовал Корнилова и его приближенных.

Донесения сербского посланника в Петрограде М. Спалайковича об этих событиях свидетельствуют о сочувствии к неудачному выступлению корниловцев, чьи силы и длительность сопротивления он явно преувеличивал². Симпатии военного атташе Сербии Б. Лонткиевича также были на стороне незадачливых военных путчиков. Когда Керенский подписал приказ о смене Корнилова, Лонткиевич обратил внимание на всеобщее «ужасное удивление и неудовольствие»³. Надежды на сопротивление Корнилова, на то, что он, невзирая на требования Керенского, сформирует новое правительство, не оставляли Лонткиевича до конца лета, о чем свидетельствует донесение сербского военного атташе от 29 августа (11 сентября)⁴. И только 1 (14) сентября сербское посольство выслало на имя премьер-министра Н. Пашича детальный отчет о последствиях подавленного мятежа, наполненный оптимизмом и смелостью прогнозов при полном отсутствии информации. Сербские дипломаты надеялись на «скорейшее осуществление мер по восстановлению дисциплины и боеспособности войск. Генерал Алексеев будет иметь, по сути дела, всю полноту власти в военном вопросе, а премьер будет номинальным генералиссимусом»⁵. Сербское правительство получило депешу с этим донесением 9 (22) сентября, а уже на следующий день Алексеев лишился своего поста.

¹ Вишняков Я.В. Сербия в начале Первой мировой войны: 1914–1915 годы. — Новая и новейшая история, 2013, № 2; *его же*. «Сербская Голгофа» глазами русских дипломата и генерала. — Военно-исторический журнал, 2016, № 4; *его же*. Сербия в русской армии в годы Первой мировой войны. — Славяноведение, 2017, № 3.

² Архив Сербии (далее — АС), МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 443, 428, 429.

³ Там же, л. 427.

⁴ Там же, л. 431.

⁵ Там же, л. 446.

Из-за того, что новости запаздывали, а прогнозы сербских официальных лиц в выборе политических фаворитов были ошибочными, происходили и ошибки в ретрансляции «давно потухших звезд». Пространная биографическая статья о Керенском в газете «Српске новине» от 5 (18) сентября заканчивалась словами: «Новая Россия, которая ныне рождается, без сомнения, переживет Керенского и, как мы все надеемся, дойдет до великой славы и мощи, но всегда с благодарностью будет помнить своего революционного министра Керенского»⁶. После этого «некролога» в том же номере была помещена объемная и очень хвалебная статья о Корнилове⁷, а также две небольшие заметки с показательным названием «Конфликт между Керенским и Корниловым еще не окончен»⁸. Столь явная поддержка мятежного генерала тем более очевидна, если учесть, что газета «Српске новине» из-за нехватки свободного места обычно крайне скупко публиковала биографии⁹.

События, последовавшие в сентябре 1917 г., — новая реорганизация правительства для укрепления позиций Керенского и дальнейшее падение авторитета Временного правительства, несмотря на все декларативные идеи, вроде Предпарламента и провозглашения России республикой, — вызывали у сербских представителей все больший пессимизм. Лонткиевич депешей от 7 (20) сентября сообщал об усилении «максималистов», как в то время на французский манер называли большевиков сербы. «Существует опасность, — писал он, — что они образуют правительство. Такое правительство сразу начнет переговоры о сепаратном мире, но до этого нет никаких шансов на необходимое улучшение как на фронте, так и в стране. Русская армия потеряла даже вид армии. На фронте ходят слухи, что, как только ударят морозы, начнется массовое дезертирство»¹⁰.

В донесении от 11 (24) сентября Спалайкович высказался тоже очень пессимистично, но точно: «С самого начала русская революция сошла с рельсов и под влиянием теорий социалистов-интернационалистов и немецких агентов превратилась из политической в социальную. Вследствие этого государственная власть постоянно в кризисе, который теперь, после поражения Корнилова, вступит в опасную фазу». Сербский дипломат обратил также внимание на «самую отчаянную ненависть крайних элементов к Англии» из-за того, что она якобы помогала Корнилову. Все это Спалайкович поспешил объяснить пропагандой немецких агентов¹¹. Он забывал о том, что многонациональный народ России, простые люди в солдатских шинелях просто устали¹² от бесцельной бойни, в которую, по правде говоря, лишь ради интересов союзников их подталкивал Корнилов своими дисциплинарными мерами.

На той же информационной волне прошла в «Српске новине» 12 (25) сентября и заметка из Петрограда под характерным названием «Укрепление влияния максималистов». Ее автор не только сообщал сведения об усилении авторитета большевиков, но и давал свой прогноз развития ситуации: «Их цель — во что бы то ни стало дорваться до власти, и тогда нужно опасаться того, что они сразу попытаются осуществить свой главный замысел, т.е. заключить мир любой ценой»¹³.

⁶ Керенски А.Ф.: неколико детаља из живота и рада председника руске владе. — Српске новине, 5.IX.1917, с. 2–3.

⁷ Генерал Корнилов: биографски подаци. — Српске новине, 5.IX.1917, с. 3.

⁸ Сукоб између Керенског и Корнилова још није решен. — Српске новине, 5.IX.1917, с. 3.

⁹ Тем интереснее, что в этом жанре доминировали русские политики. Кроме вышеупомянутых статей, «Српске новине» опубликовала в 1917 г. еще одну биографию Керенского, а также настоящую оду Е.К. Брешко-Брешковской (старой русской революционерке) и очерк о казачьем генерале А.М. Каледине, см.: «Мајка руске револуције»: Катарина Брешковскаја. — Српске новине, 8.VI.1917, с. 2; Керенски А.Ф.: неколико карактеристичних црта из живота и рада новог председника руске Привремене владе. — Српске новине, 18.VII.1917, с. 3; Хетман Каледин. — Српске новине, 7.XI.1917, с. 3.

¹⁰ Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г., књ. 24, 1917. година. Београд, 1933, с. 168.

¹¹ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 450–452.

¹² По словам Спалайковича, «в армии распространялся фатализм», т.е. равнодушие к неясным целям войны. — АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 488.

¹³ Јачање утицаја максималиста. — Српске новине, 12.IX.1917, с. 3.

Подписание сепаратного мира, угрожавшее интересам как Англии и Франции, так и Сербии, вызывало понятное возмущение сербского правительства. В донесении от 8 (21) октября Спалайкович сообщал о разработанном большевиками плане подписания сепаратного мира, даже более радикального, чем «самые радикальные предложения старой дипломатической школы»¹⁴. Сербский премьер Пашич в телеграмме от 14 (27) октября рекомендовал Спалайковичу найти «какого-нибудь нашего социалиста, который будет защищать сербские интересы с точки зрения социалистов», т.е. подобрать «подходящих людей для работы в этой среде в пользу сербского освобождения», которые смогут убедить социалистов, что русские обязаны защищать «слабые народы» от Габсбургов и немцев¹⁵. Приход большевиков к власти сербская дипломатия считала хотя и очень нежелательным, но вероятным, поскольку необходимо было прекратить в стране анархию и разрешить ситуацию (существующее положение дел Спалайкович уже в сентябре 1917 г. называл гражданской войной)¹⁶.

Если сравнить картину Февраля и Октября 1917 г. в донесениях сербских дипломатов, военных посланников и даже в официальных газетах, становится ясной разница в природе этих событий. Случившееся в феврале по неочевидному направлению перемен, внезапности для широких масс, участию в переменах представителей бывшей военной и гражданской элиты гораздо больше походило на переворот с куда более значительным иностранным влиянием, нежели октябрьские события. То, что происходило в октябре, было более предсказуемым в смысле грядущих политических изменений (выход из империалистической войны), а авторитет большевиков рос вопреки надеждам правящей верхушки¹⁷.

Несмотря на все размышления и прогнозы, официальная Сербия не смогла полностью оценить значение революционных октябрьских событий 1917 г. В это время «Српске новине» нашла новую «звезду», обещавшую послать русских солдат в бой против Централных государств, — казачьего генерала А.М. Каледина. В статье, опубликованной на первой странице газеты в ноябре 1917 г., редактор поместил текст с помпезным введением: «Великие времена рождают великих людей. Такова историческая истина, закон природы. Мировая история знает тому примеры, и сегодняшние события это только подтверждают. Эти дни в России родили трех таких людей. По влиянию, которое они оказывают на общество и события, они выходят за рамки одной нации и влияют на все человечество. Ведь от них зависит не только судьба России, а судьба всего рода человеческого. Эти три человека — Керенский, Корнилов и Каледин. Редкая честь, страшная ответственность»¹⁸.

Первую информацию о волнующих событиях Октябрьской революции Спалайкович начал направлять сербскому правительству 24 октября (6 ноября), когда докладывал о полном выходе Петроградского гарнизона, за исключением казаков и учащихся высших военных учебных заведений, из подчинения Временному правительству. Это тревожное сообщение заканчивалось почти дежурным заявлением, что «правительство спокойно и уверено в том, что сможет пресечь любую попытку переворота»¹⁹. Донесение от 26 октября (8 ноября) уже содержало данные обо всех элементах революционных перемен. По словам дипломата, Совет рабочих и военных депутатов в Петрограде объявил о смене правительства, а войска Петроградского гарнизона под командованием военного революционного комитета окружили Зим-

¹⁴ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 487.

¹⁵ Там же, л. 505.

¹⁶ О «гражданской войне, которая набирает все больший размах по всей России», Спалайкович писал в донесении от 5 (18 октября). — АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 505.

¹⁷ На рост популярности большевиков указывает целый ряд донесений, составленных сербскими дипломатами из Петрограда на основании их ежедневных наблюдений. См. АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 456, 476, 478, 485.

¹⁸ Хетман Каледин, с. 3.

¹⁹ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 493.

ний дворец. В этом донесении Спалайкович впервые назвал вождей революции не «максималистами», а «большевиками», упомянув при этом В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, и перечислил занятые большевиками объекты: здание парламента, железнодорожный вокзал, народный банк, почта и телеграф.

Спалайкович не захотел или не смог охарактеризовать эти события дипломатическим языком и назвал их «разбойничьей авантюрой, в которой виноват председатель правительства, оказавшийся слабым и нерешительным»²⁰. Несомненно, что он от всей души желал, чтобы эти выступления были как можно скорее подавлены, и приукрашивал информацию в соответствии со своими желаниями и надеждами. Согласно его донесению, Керенский обратился с воззванием к населению и местным властям, чтобы они поддержали правительство в «борьбе против восстания», и якобы фронт, лидеры социалистов-рабочих и казаков выразили правительству поддержку, а военные эшелоны двинулись на Петроград. Конечно же, Спалайкович надеялся, что «такое положение продлится всего несколько дней».

В конце концов реализм (или пессимизм) все-таки взял верх, и в заключительной части того же донесения он перечислил ряд мер, предпринятых большевиками и закрепленных декретами советской власти: подписание мира, распределение помещичьей земли между крестьянами, рабочий контроль на фабриках. Союзные представители опасались, что будут незамедлительно выдворены из России, а место пребывания министров и главы Временного правительства им было неизвестно²¹.

Ошеломленные сообщениями о переменах в Петрограде сербские власти посылали своим представителям в ответ крайне путаные инструкции. Слухи о том, что «русский военный министр ушел в отставку и заточен в монастырь» и будто бы это оказало «большое влияние на восстановление дисциплины в армии», взволновали не только сербский МИД и все правительство, но и наследника престола Александра Карагеоргиевича²². Глубину изменений сразу же ощутил лишь старый и опытный Пашич, который в отличие от Карагеоргиевича не спешил выражать свое мнение о ситуации в России и лишь с пометкой «срочно» приказал, чтобы «высылались как можно более обширные телеграммы, каждый день по несколько штук, чтобы знать, что там происходит»²³.

Донесения из Петрограда и далее отражали состояние хаоса, шока и растерянности, царившее в союзном дипломатическом корпусе, вероятно, вследствие того, что в отличие от Февраля дипломатов не оповещали о деталях происходящего. Донесение Спалайковича от 30 октября (12 ноября) содержало информацию о формировании Комитета спасения отечества, об объединении «всех демократических организаций» против большевиков, о слухах, что М.В. Родзянко будто бы образует правительство в Москве, а генерал В.А. Черемисов провозглашен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Вместе с тем в том же донесении приводился и состав большевистского правительства, правда, со многими ошибками относительно персоналий. Данные Спалайковича были неполными и не совсем соответствовали составу Совета народных комиссаров, сформированного 27 октября (9 ноября) решением II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

В списке Спалайковича были указаны: «Председатель Министерства Ленин, министр иностранных дел Троцкий, министр внутренних дел Каменев, министр просвещения госпожа Коллонтай, военный министр Верховский»²⁴. Однако согласно декрету № 171 от 28 октября (10 ноября) Совет народных комиссаров состоял из следующих лиц: председатель СНК — В.И. Ульянов (Ленин), народный комиссар по внутренним делам — А.И. Рыков, земледелия — В.П. Милютин, труда — А.Г. Шляпников, комитет

²⁰ Там же, л. 496—497.

²¹ Там же, л. 497.

²² Там же, л. 494.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 312.

по военным и морским делам — В.А. Антонов-Овсеенко, Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко, по делам торговли и промышленности — В.П. Ногин, народного просвещения — А.В. Луначарский, финансов — И.И. Скворцов-Степанов, по иностранным делам — Л.Д. Бронштейн-Троцкий, юстиции — Г.И. Опоков-Ломов, питания — И.А. Теодорович, почты и телеграфов — Н.П. Авилов-Глебов, председатель по вопросу национальностей — И.В. Джугашвили-Сталин²⁵.

Самые серьезные ошибки в телеграмме Спалайковича касаются военного руководства: по его мнению, военный министр А.И. Верховский сохранил свое место и в советском правительстве, а новым начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал В.А. Черемисов²⁶. Свое сообщение сербский посланник закончил безошибочной констатацией: «Керенский не успел к войскам, и его роль окончена»²⁷. Несмотря на слова дипломата «переворот максималистов потерпел неудачу», информация о смене военной верхушки государства фактически свидетельствовала о том, что Временного правительства больше не существует, а в стране сложилось новое положение вещей.

В донесении от 4 (17) ноября Спалайкович сообщал об укреплении советской власти в Москве, добавив к этому тревожную новость о подготовке большевиков к публикации секретных документов Министерства иностранных дел Российской империи²⁸. Публикация этих документов воспринималась Сербией как исключительно враждебный акт и вызвала активную внутреннюю переписку сербских дипломатов в ноябре—декабре 1917 г.²⁹ Тем не менее официальная реакция сербского правительства была довольно осторожной: по личному распоряжению Пашича газета «Српске новине» опубликовала заявление, где говорилось о том, что новейшее российское правительство не признают не только иностранные правительства, но даже большинство российских дипломатических представителей за рубежом³⁰.

Селекцией, расшифровкой и подготовкой документов к печати занимался бывший моряк Н.Г. Маркин с командой моряков и помощников из рядов революционного Красного флота. Документы печатали без особой системы в газетах «Правда», «Известия» и «Рабочий солдат» в ноябре — декабре 1917 г. Сразу после этого отдельным изданием вышли семь тетрадок документов общим объемом в 320 страниц³¹, привлечшие большое внимание общественности³². На поверхность всплыли материалы, которые давали анализ русской внешней политики с 80-х годов XIX в. После выхода первых номеров публикаций — их курировал лично наркоминдел Троцкий³³ — Пашич приказал Спалайковичу срочно достать 10 экземпляров для сербского правительства³⁴. Такие же инструкции получили от своих правительств представители других союзных и нейтральных государств в Петрограде.

Сербский военный атташе, находившийся в это время далеко от места событий, не имел возможности оперативно выяснить и изложить правительству свою версию событий, как он делал это в феврале 1917 г. Только 26 октября (8 ноября)

²⁵ Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957.

²⁶ Возможно, это связано с получением сербским посланником сведений, что генерал В.А. Черемисов активно заигрывал с большевиками и был одним из основных виновников устранения неудачливого главноверха от армейского управления. См. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993, с. 311—312.

²⁷ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. V, л. 312.

²⁸ Там же, л. 506.

²⁹ Там же, д. III, л. 219; д. I, л. 63.

³⁰ Там же, д. I, л. 26.

³¹ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Отв. ред. Н. Маркин. Петроград, № 1—4, декабрь 1917; № 5, 6 января 1918; № 7, февраль 1918.

³² *Потемкин В.П., Хвостов В.М., Миц И.И.* Историја дипломатије, св. 2. — Дипломатија новог доба (1872—1919). Београд, 1949, с. 263—266.

³³ *Троцкий Л.* Тайна дипломатии и тайные договоры. — Известия, 10.XI.1917, № 221.

³⁴ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. I, л. 41.

он отправил краткое, но исчерпывающее донесение о том, что большевики полностью захватили власть в Петрограде, что Керенский покинул пост Верховного главнокомандующего и что «на действия русской армии еще долго нельзя рассчитывать»³⁵. Вследствие эпизодичности работы телеграфной связи с Петроградом и России с Грецией (Лонткиевич не был уверен даже в том, что его донесения доходят до далекого острова Корфу), сообщения отличались крайней лапидарностью, например: «И далее ничего не известно. На фронте пока спокойно... Вообще ситуация очень критичная»³⁶.

В донесениях сербского военного атташе, как и в донесениях его гражданского коллеги, чрезмерно большое внимание уделялось попыткам Керенского вернуться к власти³⁷. До 2 (15) ноября Лонткиевич сообщал «о боях между максималистами и правительственными войсками», которым «Верховное командование шлет подкрепление»³⁸. В донесении от 9 (22) ноября он уже докладывал, что «председатель правительства максималистов Ленин сообщил начальнику штаба Верховного командования, что тот смещен со своего поста»³⁹, а в следующем донесении выразил надежду на арест новоназначенного Верховного главнокомандующего его предшественником, который продолжит выполнять свою функцию⁴⁰.

Лонткиевич констатировал, что не желавший покидать свой пост генерал Н.Н. Духонин получил поддержку со стороны союзных офицеров при Ставке, которые считали, «что Верховное командование действует недостаточно энергично в борьбе против максималистов»⁴¹, хотя все без исключения признавали, что русская армия в сложившихся условиях «продолжать войну физически не может»⁴². Наконец, 18 ноября (1 декабря) Лонткиевич окончательно уверился в том, «что Россия, конечно, заключит перемирие, какую бы позицию союзники ни заняли. Хотя правительство максималистов не было признано, сегодня они все же хозяева положения. Их декларация о безусловном мире и разделе земли обеспечивает им все больше сторонников, особенно в армии... Русский солдат в большинстве своем сегодня больше не хочет проливать кровь и желает мира любой ценой»⁴³.

Только после прибытия в Могилёв 20 ноября (3 декабря) 1917 г. нового Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко и насильственного смещения Духонина предчувствия Лонткиевича стали реальностью. В следующем донесении он подробно описал прибытие Крыленко с тремя эшелонами солдат, смену, захват и убийство генерала Духонина. По словам Лонткиевича, судьбу Духонина окончательно решило «бегство генерала Корнилова и всех остальных» (Деникина и других будущих лидеров белогвардейцев в гражданской войне). Лонткиевич свидетельствовал, что лидеры большевиков не имели отношения к убийству Духонина, просто разъяренная из-за бегства Корнилова «толпа матросов бросилась в вагон генерала Духонина, избивая его. Крыленко, находившийся тут же, попытался вступить, но безуспешно, и Духонин был убит при нем»⁴⁴. После этих событий сербский верховный посланник, как и другие военные атташе, уехал из Ставки, оставив там своего помощника. Он решил отправиться в Киев, покинув таким образом территорию, подконтрольную большевикам⁴⁵.

³⁵ Велики рат Србије за ослобођење..., с. 402.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 402, 437.

³⁸ Там же, с. 467.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 480.

⁴¹ Там же, с. 485, 489, 497, 505, 506.

⁴² Там же, с. 485.

⁴³ Там же, с. 510–511.

⁴⁴ Там же, с. 534–535.

⁴⁵ Там же, с. 547.

В последние недели революционного 1917 г. сербская дипломатия без особых комментариев констатировала еще несколько важных событий уходящего года. Из двух телеграмм сербское правительство узнало о проведении выборов в Учредительное собрание 12 (25) ноября 1917 г. По мнению Спалайковича, выборы в Петрограде «прошли без особого интереса публики... большинство голосов получили максималисты и кадеты. За первых голосуют солдаты, за вторых — интеллигенция»⁴⁶. Это мнение, как и многие другие прогнозы Спалайковича, в основном было ошибочным⁴⁷, так как головокружительную победу одержали эсеры, а большевики и кадеты результатами голосования остались недовольны. Вероятно, сербский дипломат исходил из настроений в столичном Петрограде, где большевики пользовались значительным авторитетом среди революционизированных слоев населения, утратившего, впрочем, надежды на решающую роль этого собрания. В том же ноябре 1917 г. Спалайкович и прибывший в Россию с официальной миссией представитель Сербской православной церкви митрополит Варнава (Росич) оповестили сербские гражданские и церковные власти о восстановлении Патриаршества в Русской православной церкви и избрании на престол митрополита Тихона (Белавина)⁴⁸.

Стремление большевиков подписать мир с Германией⁴⁹ соответствовало настроению большинства русских солдат, рабочих и крестьян и в то же время вело к неизбежному разрыву отношений официальной Сербии с правительством центральной России. Первым актом, приблизившим этот разрыв, стала публикация тайных планов будущих аннексий и закулисной стороны войны, которые Россия не должна была публиковать, пока состояла в коалиции противников Центральных держав⁵⁰.

Переговоры о немедленном мире были начаты новым правительством России в рамках осуществления декрета № 1 — «Декрета о мире», принятого 26 октября (8 ноября) 1917 г. Сербия, чья территория была оккупирована, воспринимала эти переговоры крайне негативно и, несмотря на приглашение большевиков, отказалась в них участвовать⁵¹. Сербские дипломатические представители стали официально выражать отрицательное отношение к большевикам, в отличие от прошлого пика напряженности, пришедшегося на июнь 1917 г., когда они спасли от покушения самого вождя большевиков. Тогда «десяток наиболее способных четников» из Сербского добровольческого корпуса⁵² решились включиться в перипетии русской революции по методу «Черной руки»⁵³ и ликвидировать Ленина, нескольких его значимых сотрудников и антисербски настроенных представителей хорватского национального движения

⁴⁶ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. VI, л. 501, 503.

⁴⁷ В своих прогнозах по поводу России Спалайкович ошибался и в период Первой мировой войны, и во время Второй мировой, когда активно включился в недичевскую пропаганду. См. Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 4. Руско-српски односи. 1917—1945. Москва — Белград, 2017, с. 917—918.

⁴⁸ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. VI, л. 518; Архив Сербской православной церкви, ф. патриарха Варнаве.

⁴⁹ Велики рат Србије за ослобођење..., с. 464.

⁵⁰ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. I, л. 26, 41, 63.

⁵¹ Там же, л. 62

⁵² О Сербском добровольческом корпусе в России подробнее см. *Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сб. док. М., 2014.

⁵³ Сербская офицерская организация «Объединение или смерть» («Черная рука») была образована в 1911 г. Ее члены были причастны к убийству в Сараево 15(28) июня 1914 г. австрийского престолонаследника. Главные ее руководители, в частности полковник Д. Димитриевич (Апис), были расстреляны по приговору Салоникского трибунала летом 1917 г. О ее деятельности подробнее см.: *Писарев Ю. А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990; *Мекензи Д.* Апис. Београд, 1996; *Казимировић В.* Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917 године. Крагујевац, 1997; *Вишняков Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века, 2-е изд. М., 2016.

в России К. Геруца и Л. Туму, которых, как и большевиков, сербы подозревали в шпионаже в пользу Центральных держав⁵⁴. Только в последний момент сербским военным и дипломатам удалось найти диверсантов и остановить их⁵⁵.

В результате ухудшения отношений между Антантой и Россией на дипломатическом приеме 1 (14) января 1918 г. произошел инцидент. Сербский посланник Спалайкович вступил в прямую конфронтацию с вождем большевиков Лениным. Спалайкович тогда сказал: «Вы осмеливаетесь говорить о предательстве союзников, вы, который навсегда потерял свою честь? Я плюю вам в лицо! Маленькая демократическая Сербия, на которую напала воинственная империя, обошлась с посланником Австрии со всем уважением — он смог спокойно покинуть Сербию, ни от кого не услышав ни малейшего оскорбления. Вам придется всю жизнь жить с воспоминанием о той низости, которую вы совершили»⁵⁶.

Интересно, что этот демарш Спалайковича был вызван не заговором против царя — покровителя сербов — и его арестом, не октябрьским переворотом, не публикацией секретных документов, касавшихся сербов, и даже не началом переговоров с немцами. Поводом для «плевка» Спалайковича стал эпизод с румынским посланником К. Диаманди, которого большевики вместе со всем персоналом румынского посольства взяли в заложники после начала румынской оккупации русской провинции Бессарабии⁵⁷. Позднее выяснилось, что в агрессивном захвате Бессарабии Румыния пользовалась прямой поддержкой французской дипломатии⁵⁸. По окончании приема желавший загладить инцидент глава СНК Ленин примирительно сказал сербскому посланнику: «Я понимаю ваше отчаяние, но наша политика продиктована стремлением любой ценой и как можно быстрее прекратить кровопролитие в Европе»⁵⁹.

После того как 3 марта 1918 г. был наконец подписан Брест-Литовский мир с «ужасными и позорными условиями», послуживший увертюрой к гражданской войне и интервенции, сербский дипломатический персонал, к тому времени уже покинувший юго-запад России (где немцы создали марионеточную «независимую Украину»), оставил Петроград и переместился на восток и север России⁶⁰. Так, за один год дружеские и теплые официальные сербско-русские связи совершили резкий разворот и оказались почти полностью замороженными.

События 1917–1918 гг. представляли собой скрещение многочисленных исторических процессов, таких как: конец Первой мировой войны, разрушение четырех больших империй, выход США на передовые позиции по силе и влиянию в мире, начало ослабления Европы как центра мирового значения, триумф радикального левого

⁵⁴ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2000, оп. 16, д. 2156, л. 6; а также см. *Вишняков Я. В.* Армия без государства: Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917. — Русский сборник: Исследования по истории России, т. XVIII. М., 2015. В 1915 г. в Москве было создано Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого стало объединение и слияние всех славянских народов. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарапич и словенец Г. Тума. В 1916 г. тот же Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. *Ващенко М. С.* «Хорватский консул» в Петербурге. — Родина, 2010, № 4. Командир сербского добровольческого корпуса М. Живкович в меморандуме от 23 апреля 1917 г. подчеркивал, что «с 1885 года Геруц был двойным агентом австрийской и русской тайной полиции, куда попал по протекции австрийского посла, и его служба заключалась в том, чтобы следить за движением югославян в Петрограде и об этом доносить австрийскому послу. Ту же самую службу, только в обратном смысле, он нес для русского министерства». — *Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г.* Указ. соч., с. 260.

⁵⁵ *Košćak V.* Prilog za historiju 1917. Godine. — *Historijski zbornik*, 1957, № 10, s. 131–136.

⁵⁶ АС, НП, 2/III.

⁵⁷ Велики рат Србије за ослобођење..., с. 663–664.

⁵⁸ *Потемкин В. П., Хвостов В. М., Минц И. И.* Указ. соч., с. 304–308.

⁵⁹ АС, НП, 2/III.

⁶⁰ АС, МИД Пс, П-ПО, ф. I, р. 32/1918.

движения, победа принципа национального самоопределения и др. В сербско-русских связях в это время, по определению М. Йовановича, завершился «период русского покровительства и сербской борьбы за независимость», длившийся два века. Сербия от порабощения и Голгофы шла к своему великому триумфу 1918 г., когда все сербские земли были объединены в рамках единого государства — проекта настолько привлекательного, что «сербская политическая элита под руководством династии Карагеоргиевича добровольно слила независимость и государственность Сербии в новорожденное государство южных славян»⁶¹.

Россия тем временем пережила Февральскую революцию — государственный переворот, осуществленный частью военной и гражданской элиты при поддержке союзников, заинтересованных в исключении претендента на послевоенный передел трофеев. В результате этих потрясений в России начался период распада не только в окраинных провинциях, но и в историческом ядре русского государства, вследствие чего Малороссия менее чем за год прошла путь от автономии до ситуации, «когда отделение южной от северной России выглядело все более неизбежным»⁶². В условиях взрыва региональных сепаратизмов новое собрание русских земель не могло идти только под лозунгом «за единую и неделимую Россию», а требовало единого идеологического проекта с понятными широким народным массам лозунгами, которых в течение нескольких месяцев между двумя революциями не смогла предложить ни одна крупная партия. Лидеры партии большевиков осознали эту насущную потребность большинства социально активного населения России, выдвинув ясные и понятные требования мира и социальной справедливости. Укрепление власти большевиков, независимых от мнения Лондона и Парижа, стало сюрпризом как для союзников, так и для русской интеллигенции.

Взгляды сербской элиты на революционные события в России имели несколько уровней. Первый и самый важный был связан с отношением к России как к неистощимому источнику различных материальных ресурсов, людских сил и дипломатической поддержки, чрезвычайно необходимой государству без свободной территории, почти без армии, без общепризнанных границ и ясной концепции будущего. Такое отношение вполне соответствовало потребительскому подходу к России других союзников (Англии, Франции, Румынии и т.д.). Он сводился к «обязанности» России воевать «из союзнического долга» и приносить бесчисленные жертвы при полном отказе от послевоенных претензий. В рамках этой концепции сербская дипломатия вместе с другими союзниками приветствовала Февральскую революцию, а затем вплоть до гибели генерала Духонина в ноябре 1917 г. ждала от России постоянного перенапряжения армии, уже не способной на ведение войны. Вместе с тем в донесениях сербских военных представителей в России и чуть меньше в донесениях дипломатов просматривается и более вдумчивое отношение к России, что вытекало из многовекового опыта русско-сербских связей⁶³ и базировалось на знании о том, сколько падений и взлетов на протяжении своей истории пережило Российское государство.

Примером такого отношения служат письма и рекомендации Пашича сербским дипломатам после Февральской и Октябрьской революций. Несмотря на понятное беспокойство по поводу болгарофильских настроений первого главы МИД Временного правительства П.Н. Милюкова, Пашич рекомендовал сербским официальным представителям соотносить «свое поведение, свои выступления и общение с русскими политиками» с новой ситуацией, чтобы проникнуть в то, «что готовится за кулисами»⁶⁴. А в ответ на циркулярное письмо Милюкова о формировании нового правительства Пашич с достоинством и осторожностью оценил уход Николая II как

⁶¹ *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век: историја односа. Београд, 2012, с. 69, 156.

⁶² Велики рат Србије за ослобођење ..., с. 659–660.

⁶³ Москва–Србија, Београд–Русија. Документа и материјали. Т. 1. Друштвене и политичке везе XVI–XVIII век. Београд–Москва, 2009.

⁶⁴ АС, МИД ПО, 1917, ф. IX, д. II, л. 128.

«возвышенный пример патриотизма, который царь своим отречением показал миру, и в первую очередь славянам, чтобы в интересах Родины было достигнуто согласие и сконцентрировалась сила всех граждан». Далее не менее дипломатично, но ясно он пожелал России от лица всего сербского народа, «организовавшись на демократических началах, своей славой, своей силой и цивилизаторской работой возродить старые славные времена»⁶⁵.

После Октябрьской революции и попыток большевиков заключить мир Пашич понял, что эти его пожелания вряд ли осуществляться⁶⁶, но все же не терял веры в Россию, хотя и «беспольную» для Сербии в тот момент. Он сформулировал свое понимание текущей ситуации полными веры и оптимизма словами: «Мы переживаем очень трудные времена, но не должны отчаиваться; когда минут эти месяцы, ставшие самыми тяжелыми с начала (войны. — *А.Т.*), наша общая ситуация, без сомнения, будет улучшаться. На сегодня самое главное — это выстоять, а я с уверенностью заявляю, что мы выстоим. Анархия, охватившая Россию, позволила врагу достичь таких значительных успехов, на которые он и не надеялся. Мы можем говорить не о русской революции, а о русской анархии в настоящем смысле слова. То, что происходит в этой огромной державе, — следствие обширности ее территории и запутанного комплекса проблем. Однако я твердо уверен, что Россия обретет свой путь, который приведет ее к переустройству»⁶⁷.

Показательно, что такое широкое метафизическое рассмотрение ситуации в России сквозь призму многовековых русско-сербских связей в моменты кризиса приносило лучшие результаты, чем утилитарный подход, которым увлекались дипломаты и потому вновь и вновь ошибались в прогнозах. Понимание Пашичем констант русско-сербских связей помогло ему в конце концов принять очень важное решение — запретить вмешательство сербских войск в события революции и гражданской войны даже на стороне белых, которым Сербия явно симпатизировала. Но такая линия не была доминирующей, а упрощенный взгляд на ситуацию концентрировался в пересказе донесений дипломатических представителей в Петрограде для наследника престола Александра Карагеоргиевича⁶⁸.

Несомненно, отношение сербского народа к России в революционном 1917 г. было намного более многоплановым, чем у сербской правящей элиты. Были еще суждения сербских интеллектуалов, оказавшихся в России в 1917 г.⁶⁹, сербских левых⁷⁰, существовал целый комплекс проблем сербского военного корпуса⁷¹. Однако во взглядах неофициальной Сербии, как и официальной, вряд ли проявлялось осознание всей глубины русской трагедии 1917–1918 гг., когда люди, которые непосредственно участвовали в событиях Февральской революции, организовывали затем гражданскую войну в России. Русский эмигрант профессор Н.В. Краинский назвал этих людей «бесами Февральской революции и разрушителями Российской империи»⁷². Сербским дипломатическим и военным представителям в России сложно было понять, что белогвардейские лидеры «шли за возрождение России Львовых, Милюковых, Керенских

⁶⁵ Там же, л. 90–92.

⁶⁶ Изјаве г. Николе Пашића. О максималистичким предлозима за мир. — Српске новине, 30.XII.1917, с. 2.

⁶⁷ Изјаве г. Пашића. Председник Српске Владе о ситуацији у Русији, о положају на Балкану и о односима између Србије и Италије. — Српске новине, 30.XII.1917, с. 1–2.

⁶⁸ Документ хранится в Архиве Югославии. См. Arhiv Jugoslavije, ф. Канцеларија Њ.В. Краља, Пов. Бр. 117, ф-2. Опубликовано в: Дипломатска преписка српске владе 1917: збирка докумената. Београд, 2002.

⁶⁹ *Трговчевић Љ.* Научници Србије и стварање југословенске државе: 1914–1920. Београд, 1986; *Московљевић М.* У Великој руској револуцији: дневничке белешке. Београд, 2007.

⁷⁰ *Поповић Н.Б.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005.

⁷¹ См. *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Указ. соч.

⁷² *Краинский Н.В.* Фильм русской революции в психологической обработке. Белград, 193[?], с. 563.

и только рассчитывали занять их места»⁷³, а это, конечно, не могло снискать им поддержку широких слоев русского народа.

Советскую Россию смогли воспринять как новую Россию и генерал А.А. Брусилов⁷⁴, и адмирал А.В. Немитц⁷⁵, а ее когда-то близкие союзники — сербы — не смогли. Советская Россия вынуждена была бороться против недавних союзников, разрывавших ее территорию, поддерживавших установление марионеточных режимов от Кишинева и Киева до Иркутска и Владивостока. Субъективно большевики боролись за свою идеологию, но объективно (глядя с вековой дистанции) они сражались за единство исторической России. В этой борьбе Советская Россия росла и укреплялась, так что спустя всего два десятилетия она победоносно отразила германское притязание на гегемонию в Восточной Европе, завершив то, что не смогла довести до конца царская Россия. Во Вторую мировую войну на пути немецкой экспансии вновь встали не только русские, но и сербы. На этот раз внешняя война была связана с вопросами войны гражданской уже в Сербии, а союзники настаивали на продолжении военных усилий без учета «идеологических перемен».

В этих новых условиях постаревший Спалайкович, во время Первой мировой выступавший за продолжение военных усилий «из союзного долга и обязанности борьбы за свободу неосвобожденных наций», несмотря на кровавую цену и ограниченность возможных результатов, уже восклицал: «Кто сейчас среди сербов может надеяться на искреннюю любовь и дружбу Англии по отношению к сербскому народу?!» — и проклинал «главных поставщиков сербской крови для Англии» и «уже красного от такого количества пролитой чужой крови британского хамелеона, который покраснеет еще сильнее от своего позорного поражения, а еще больше — от вечного стыда»⁷⁶.

Значительная часть сербских официальных лиц — очевидцев событий 1917 г. — была разочарована в русской революции и пронесла это чувство через всю жизнь. Но все же вековые традиции русско-сербских связей в 1917 г. не прервались, а лишь переплелись по-новому. После гражданской войны Сербия стала убежищем для тысяч русских эмигрантов и приютила значительное количество известных участников бурного 1917 г. На привилегированном участке Нового кладбища в Белграде рядом с могилой сербского воеводы Ж. Мишича, начальника штаба Верховного командования сербской армии в годы Первой мировой войны, обрел вечный покой генерал М.В. Алексеев, сыгравший столь противоречивую роль в гибели Российской империи. В межвоенный период в Сербии проживали активные организаторы отречения Николая II — политики В.С. Шульгин и М.В. Родзянко. Последний тоже похоронен на Новом кладбище в Белграде. Наконец, именно в сербской военной форме и с сербским паспортом на имя капитана Милутина Марковича бежал в составе сербского эшелона из Москвы в Мурманск, а оттуда в Лондон А.Ф. Керенский⁷⁷.

⁷³ Глобачев К. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009, с. 265.

⁷⁴ Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963, с. 269–271.

⁷⁵ Гражданская война в России: Черноморский флот. М., 2002, с. 322.

⁷⁶ АС, ф. М. Спалайковић, д. 66.

⁷⁷ Керенский А. Ф. Указ. соч., с. 341; Тучков А. И. Министр-председатель в сербском мундире: А. Ф. Керенский, Петроград — Мурманск — Лондон. — Наука и бизнес на Мурмане, Мурман — Сербия, 2005, № 3(48). О деятельности в большевистской России сербской миссии в 1918–1919 гг. см. Јовановић Р. С. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године: кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1925.